

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЮЖЕТ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

УДК 8Р2 + И (Нем) + 398

Г. М. Васильева

Новосибирск, Россия

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОКТОРА ФАУСТА» Э. Л. МИНДЛИНА: МЕТОД «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ» КОНТАМИНАЦИИ СТАТЬЯ 1

Речь идет о незаконченном романе Э. Л. Миндлина. Писатель нарушает привычную жанровую модель. Восемь коротких главков образуют малую форму. Название «роман» является аксиологическим определением. Автор вводит читателя в четкую аксиологическую систему. Писатель построил свою судьбу как путешествие в мир скрытых сущностей. Основной целью такого движения для Миндлина оказалась идея идей: утраченная старость омоложенного Фауста, «чаша, выпитая до дна». Роману Миндлина присуще палеонтологическое построение: реконструкция ранних «мифологических» основ путем анализа поздних событий. Подобная зависимость может быть показана на широком культурном материале. Например, жития-маририи с их мученической топикой, межкультурный дискурс Г. Г. Швитгау, связанный с понятием Гёте «Weltliteratur»; образ современника Гёте писателя Х. В. Николаи. Три города – Москва, Прага, Берлин – превратились в разновидность театральной сцены по разыгрыванию драмы идей (эсхатологический мотив «невечного города» и др.).

Ключевые слова: континуум пересечений, органический, необыкновенный, геометризм, обманность, восстание против жизни.

...над пучиной вод
Под парусами плыли корабли, –
Одни к земле, другие от земли.

*Д. Чосер. Кентерберийские рассказы
Пер. с англ. О. Б. Румер*

Эмилий Львович Миндлин (1900–1981) свое образование объяснял тем, что имел доступ к богатейшей библиотеке Волошина [1, с. 255]¹. Восприимчивость эрудита определила путь мыслителя. Пока нет специальных исследований о нем

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках указываются страницы.

Васильева Галина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (ул. Ломоносова, 56, Новосибирск, 630005, Россия; vasileva_g.m@mail.ru; +7 (383) 224 35 47)

как самостоятельной фигуре литературной жизни Москвы. Ни одно из произведений Миндлина не достигло прочного, общего признания.

Писатель построил судьбу как постоянное путешествие в мир скрытых сущностей. В 1928 г. он был участником экспедиции в Арктику на ледоколе «Красин». Вместе с исследователем Арктики профессором В. Ю. Визе они издали сборник «Записки о необыкновенном: Из дневника участников похода “Красина” и “Малыгина”» (1929). Миндлин является автором литературных воспоминаний «Необыкновенные собеседники» (1979). Он постоянно проверяет действительное возможным. Между жизнью, которой живешь, и жизнью, которую предчувствуешь, видишь издали, находится необыкновенный мир. Писатель воплотил идею Гёте: человека обогащает все то, что им движет. Фауст, проживая одну жизнь, проходит через множество перевоплощений (роли, труды, идеи) [2, С. 43–63]. У Платона душа удовлетворяет стремление вверх после многократных перевоплощений, жизнью в разных телах. Платон сравнивал умное зрение с искусством управлять кораблями, с мастерством кормчего. Благородный кормчий следует предписаниям и обычаям предков. Сохраняет жизнь товарищам по плаванию, заботится о корабельном оборудовании, знает, что делать во время ветров и бурь на море [3, с. 53–54]. Когда утихал ветер, судно управлялось веслами. Человек, прилагающий усилия, выходит в новое измерение бытия сверхчувственного, умопостигаемого. Открывает возможность движения в сфере мысли как протометодическое действие по разысканию истины.

Для Миндлина основной целью такого странствия оказалось постижение идеи «чужая старость» и «привычка к молодости» [4, с. 364], утраченная старость омоложенного Фауста, обретение в старости «меры вещей, явлений» (с. 425), «возрастные кольца» (с. 363). Все остальное выстраивалось относительно этого главного источника жизни: «чаши, выпитой до дна» (с. 552). Отсюда впечатление неопровержимой закономерности, которое производит наследие Миндлина.

«Возвращение доктора Фауста» написано накануне 175-летия со дня рождения Гёте (но это не Festschrift). В 1924 г. наши соотечественники (особенно в Берлине) готовились отмечать юбилей классика. Ценность романа неоспорима, но до сих пор он существует лишь в виде «фантома». Произведение было опубликовано в альманахе «Возрождение», который издавал П. Д. Ярославцев. Здесь же напечатана первая часть «Записок на манжетах» Булгакова (1922–1923). Два номера альманаха вышли один за другим в художественном оформлении и с маркой издательства работы В. Д. Фалилеева. Фактически второй альманах появился на год позже, в 1924 г.

Большинство авторов в качестве гонорара получили масло. Ярославцев писал записку жене Дуне в гастрономический магазин с просьбой выдать господину «за его литературный рассказ три фунта масла». «Дуня всегда спрашивала, сколько в рассказе листов, причем листом называла страничку рукописи, иногда требовала принести ей рукопись, измеряла ее достоинство на вес и каждый раз находила, что для трех фунтов масла в рукописи слишком мало “листов”. После небольшого торга и неизбежной капитуляции автора она, ворча, отвечивала ему полтора или в лучшем случае два фунта масла вместо обещанных издателем трех» (с. 217–218). Дуня Ярославцева благоволила только к Булгакову и отпускала масло «без торга». Это воспоминание Миндлина, вероятно, отражено в романе «Мастер и Маргарита»: «...при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?» [5, с. 17].

Альманах украшен иллюстрациями лучших графиков той поры. Рисунки являются сопровождением и равноправным дополнением словесного сообщения. Перед началом романа напечатана литография А. И. Павлова «Старая Москва»: сентиментально окрашенная ведута столицы, увиденная из ее окрестностей. Ве-

дуга не обладает точными топографическими данными; дает возможность создать поэтическое видение города. Далее помещен офорт И. И. Нивинского «В мастерской художника». Трудно говорить об эквивалентности этой гравюры и текста. Оптическая композиция не имеет отношения к иллюстрируемому произведению. Изображена натурщица, во весь рост, вполоборота, возле резного стула рядом с проемом двери; в черных чулках и туфлях на невысоком каблучке. Левая рука опущена, на нее наброшен черный плащ, изнутри светлый; правой она держится за спинку стула. У героини точеный нос, сжатые губы; в профиль левая выразительная бровь; короткие черные завитые волосы. В зеркале отражается художник, делающий набросок. Он в галстук, плаще, стоит за мольбертом. Именно такой увидит Булгаков Маргариту в главе «Крем Азazelло»: «...из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати» [5, с. 223]. Объединяет рисунок и текст Миндлина только мотив зеркала. В одну из солнечных ночей с ее прозрачной ясностью – «когда вспыхнула в черном зеркале звезда (через окно – лучом)», – Фауст понял, что «была обманность, обманность (о, горестное сомнение героя!)»² [6, с. 173].

Роман назван в соответствии с легко узнаваемой «культурной» синтагмой: плавание Одиссея, которое закончилось «ностосом» (древнегреч. *Νοστός*), возвращением на Итаку («Золотое руно, где же ты, золотое руно?»). Ряд продолжают «Возвращение Маяковского» (1917), «Возвращение Филиппа Латиновича» (1932) М. Крлежа и т. д. Писатель нарушает привычную жанровую модель, стремится к сюжетной редуцированности. Речь идет о малой форме. В структуру романа вошли восемь коротких главок, уместившихся на девяти страницах³. В финале возникает неожиданный, выраженный обрыв действия. Оно переносится в трактир «Золотая подкова» в городке Литли. Труды сварливой хозяйки протекают пусть не среди согласия муз, но среди родных пенатов. «И, обратившись к гостям, добавила:

– Ну и дети теперь пошли, ваши светлости! Это дочь моя – Марго!...» (1923, с. 188). Входит «рыжая девушка», в которой больше деревенского здоровья, чем неземной сокровенности. Развязка интриги остается неизвестной. Восемь главок играют роль «стенографического значка», за которым скрывается неведомая реальность. Название «роман» является аксиологическим определением. Автор вводит читателя в глубокую аксиологическую систему. Тема Фауста останется непроявленной, неистолкованной: творческий роман писателя с нею будет продолжаться всю жизнь.

Миндлина всегда интересовали совмещение, переплетение и нераздельность разных планов, их гармония, совпадение или несовпадение, контрасты. Он называл их «причудливой связью времен и нравов, неповторимой мешаниной анахронизмов» (с. 279)⁴.

Фауст, шестидесятилетний доктор химии из Москвы, и Мефистофель по имени Конрад-Христофор, «профессор университета в Праге», встречаются в «маленьком и тихом» чешском городке Швиттау, в погребке Пфайфера (1923, с. 177, 175). Дьявол разочарования разочарован. Он устал искушать людей. Все они реликты идеализма, и каждый обманут жизнью на свой лад. Их души заключены

² Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках указываются год и страницы.

³ Он напоминает «полуторастраничный роман тринадцатилетнего романиста», о котором с почтением напишет Миндлин. У «малолетнего писателя терпения и фанатизма хватило на полторы страницы» [7, с. 24].

⁴ Подобно тому, как в комнате Цветаевой «нечаянно, порою причудливо сталкивались люди бесконечно отдаленных один от другого миров» (с. 63).

в респектабельные оболочки, вооружены идеалами, так и не пригладившимися. Себя Мефистофель не исключает из этой системы инвектив. Им овладело катастрофическое впечатление. Он выстраивает «смертельный» семантический ряд. Дьявол мечтает «о восстании человеческой воли», «об организации самоубийства всего человечества» (1923, с. 179). Условие договора с Фаустом – убедить «человека лишиться себя жизни!.. Прекратить себя!» (1923, с. 180). Договор заключается даже без краткой расписки, похож на смертельное обьятие в *salto mortale*. Он представляет собой семантический жест умышленного вызова, подстрекательства к эстетической переоценке мира. Провокация строится на квазисуждении: с неизбежно неполной индукцией и выводом из недоказанного (*petitio principii*). «...нет самого главного на земле, чтобы можно было быть счастливым, – возможности счастья» (1923, с. 178). Высказывание не подлежит логической проверке, рассчитано на мнимую убедительность и сначала вызывает сопротивление Фауста.

Первая часть имени Дьявола – Конрад – принадлежит английскому писателю Джозефу Конраду (1857–1924). Юнга, матрос, капитан, Конрад сохранил выучку предков-мореплавателей. «Легендарный скиталец по морю чудес и ужасов» вошел в культуру «под парусами» [8, с. 263]. Поэт вечного союза моря и неба был фаталистом. Вторая часть имени – Христофор – вызывает в памяти жития-матриии с их мученической топикой.

В Мефистофеле, «господине с необычайным носом», нос и был всего замечательнее: «ибо форму имел он точную до необычайности и среди носов распространенную не весьма. Форма эта была треугольником прямоугольным, гипотенузой вверх...» (1923, с. 175). Нос отличается своеобразным геометризмом. Читатель должен отгадать геомантическую фигуру треугольника. «Геометризация» лица была вполне в духе средневековой визуальной культуры. Так, Вилар де Оннекур в альбоме «Архитектурные и изобразительные модели образцов» (1230–1235) схематизирует человеческое лицо в виде треугольника. В мистическом трактате Хильдегарды Бингенской «*De oratione Dei*» (XII век) лицо подобно треугольнику. Подбородок «поднимает» лицо человека, чтобы он мог в небесах постичь суть вещей. В магических рукописях треугольник – символ троичности Божества – иногда изображался с глазами и тем самым представал подобием лица [9, S. 441]. Однако нос Мефистофеля – в виде композиции из форм и плоскостей – замещает лицо. В нем, кажется, сам Лафатер не отыщет ни мысли, ни чувства. Подобный элемент кубистской композиции для многих современников Миндлина означал роковую комбинаторику. Н. А. Бердяев писал о геометрическом редукционизме: в кубизме «гибнет красота воплощенного мира, все разлагается и раскладывается», проявляется «метод расплывания всякого органического бытия» [10, с. 41]⁵. Миндлин задает возможность складывать, перекладывать «кубики» как элемент детской игры. Роман останавливает нас на границе с дьявольским. Читателя, отыскивающего новые значения в геометрии пространственных траекторий, ждут открытия. Мефистофеля сопровождает эпитет «необыкновенный». Он относится к метаморфозам, к необыкновенным переменам человеческих качеств. «Необыкновенный посетитель» обращается «необыкновенно вежливо», ведет «самую

⁵ Бердяев сопоставлял произведения Белого с «живописью Пикассо» (см.: [10, с. 41]). И. Г. Эренбург вспоминал украшение Москвы в 1918 г.: «...обезумевшие квадраты воевали с ромбами; пестрели лица с треугольниками вместо глаз [...] Одна старуха, глядя на кубистское полотно с огромным рыбьим глазом, причитала: “Хотя, чтобы мы дьяволу поклонялись”» [11, с. 264]. Впрочем, так думали не все. Автор геометрических блоков, художник А. С. Лучишкин замечал: в 20-е гг. «...Москва одевалась в пестрый абстрактно-кубистический наряд» [12, с. 59]. Миндлин хорошо знал советский изобразительный авангард, каким он предстал на первой русской художественной выставке в Берлине 15 октября 1922 г. Берлин в 20-е годы – один из центров европейского художественного авангарда.

необыкновенную беседу», после чего случилось «необыкновенное пробуждение» (1923, с. 176, 178).

Встреча Фауста и Мефистофеля происходит в Швиттау. Создавая реальную среду, автор зарисовывает город с «островерхими крышами одноэтажных домиков» (1923, с. 174). Здесь многое осталось от догородских времен. В этом архитектурном окружении появляется прелестная параболическая сценка: «...где испуганно шаркалась в сторону большая, тяжкоповоротливая свинья, когда по пыльной мостовой пробегал автомобиль» (1923, с. 174)⁶. Быт обладает конкретными социально-этнографическими признаками, атрибутами органичности, нерушимости. Швиттау – топоним-мистификация, созвучный названию города Цвиттау (ныне Світави в Чехии). Наряду с Г. Г. Швиттау и Булгаковым, Миндлин был постоянным сотрудником (секретарем) московской редакции берлинской газеты «Накануне» (1922–1924). Каждую неделю он отправлял литературный материал дипломатической почтой.

В многочисленных книгах серий «Из наследия русской эмиграции» имени Миндлина и Швиттау никогда не встречаются. Лишь Р. Гуль – редактор литературного приложения к «Накануне» в Берлине – по одному разу упоминает о Швиттау и Миндлине [13, с. 115, 291]. Включает их в «“перечень” фамилий, которые нужны как некие “декорации” той России, которую я унес» [13, с. 14]⁷. В творчестве Миндлина тоже одно упоминание Швиттау. «“Экономическое” под редакцией проф. Г. Г. Швиттау», – пишет он об одном из трех приложений к газете (с. 135). Но идеи Швиттау писатель усвоил глубоко и деятельно. По сути, образ Швиттау возникает в размышлении об «идее жизни» Платонова (с. 475)⁸. Сейчас имя ученого почти неизвестно, хотя заслуги перед современным гуманитарным мышлением неизмеримы, авторитет безусловен. Специалист в области экономической статистики, Г. Г. Швиттау был интеллектуалом-новатором как в научной теории, так и в общественной жизни. Занятия экономической статистикой поддерживали в нем интерес к «Kulturgeschichte». В творчестве Швиттау межкультурный дискурс (глубинная структура) связан с понятием Гёте «Weltliteratur». Имя поэта, немецкая культура играют особую роль в процессе формирования мысли. Гёте также связывал мир бытового, культурного общения с семантикой экономических категорий⁹. Этот контекст наиболее соответствовал природе его интересов, убеждений, исканий, равно как и типу личности. О чем бы Швиттау ни рассуждал – о смете, государственном бюджете, об экономической статистике, о рукодельных промыслах – речь идет о поиске универсальных основ межличностного взаимодействия. «Въ живомъ служеніи этому делу, можно сказать, впервые у человека крепнет сознание своей солидарности со всемъ человечествомъ» [17, с. VII–VIII].

Танатологический опыт – как основа культуры с эсхатологической тематикой – не был любимой темой Швиттау. Он утверждал то, что Мефистофель хотел разрушить: «Со своей мефистофельской улыбкой злой гений решил как будто

⁶ Возникает искушение упомянуть гоголевскую традицию «ирреализации быта». Вряд ли эта деталь провокативна. Как, например, изображение поросенка на холсте Ларионова «Прогулка в городском парке» (1907), где интерполяция мотива придает тексту качество гротеска.

⁷ Как вспоминает Р. Гуль, «экономист, кооператор» Швиттау сотрудничал также в библиографическом журнале «Новая русская книга» и бывал там [14, с. 147].

⁸ Ср. о фаустианстве в творчестве Платонова в замечательном цикле статей Е. Н. Прокуриной (см.: [15, с. 53–62]).

⁹ Например, Гёте содействовал развитию Иенского университета, стремился к его экономической модернизации. Принимал участие в устройстве новых научных, культурных институтов внутри университета и за его пределами (см.: [16, S. 31]).

продлить мировое представление...» [18, с. 13]. Швиттау называл себя исследователем, «который дерзает своею мыслью проникнуть въ тайны безграничнаго “творчества жизни”» [19, с. III]. Он как ученый ставит перед собой «особенныя задачи»: «истинное усвоение сущности “воли”», «выяснение того, что мы называемъ волей, и что неразрывно связано съ ясностью сознания и глубиной чувства» [20, с. 15]. Создание «новой России» знаменовало становление уникального социума и уникальной культуры. Цель и ценность должны обусловить друг друга, образовать единое целое. «Молодая Россія это – все те, кто на разрушенномъ нами прошломъ сотворить лучшее Будущее, кто вдохнетъ въ омертвелое ныне тело Россіи живую, великую Душу, кто вместо отрицанія и скорбнаго молчанія скажетъ свое положительное радостное утверждение» [20, с. III].

Фауст Миндлина уехал именно отсюда, «от несколько чужой ему России», «далеко из Москвы». Он жил «в одном из переулков Арбата, излюбленной им улицы» (1923, с. 174). Как «зеркало в зеркале» (1923, с. 181), отражаются три города – Москва, Прага и Берлин. Более поздние воспоминания Миндлина содержат поэтическую литературную ведугу: «уголок Москвы», «одно из старых московских гнездовий русской культуры» (с. 52). «Москву, всю Москву впервые мне показывала она», «Марина-москвичка» (с. 77, 76). Перед отъездом в Прагу зимой 1922 г. Марина Цветаева сама переписала и подарила другу книгу «Москва» – сборник стихов и рассказов путешественников. На обороте титульного листа переписала один из «Стихов о Москве» (с. 81). «Из русских русская, из москвичек москвичка, поистине Марина Московская» (с. 83), в Праге – Иловищи, в «Поэме конца» (1924) произнесет: «Жизнь – это место, где жить нельзя: Еврейский квартал...» [21, с. 48].

В «Необыкновенных собеседниках» Миндлин напишет о ней так же, как о Фаусте: «Всю жизнь обманывалась, всю свою жизнь погружалась в *обманность* и вдруг вынырнула из нее – не на свет, в потемки» (с. 83). Имя Цветаевой в прозе Миндлина всегда появляется в контексте содружества поэтов¹⁰. Задолго до ее трагической гибели, оживает мотив самоубийства поэта, которое стало фактом русской поэзии¹¹. «Мефистофель взглянул на него с сожалением.

– Вы поэт, – заметил он, – вы – поэт! Все люди – поэты». И далее: «Не пугайтесь, – прошептал Мефистофель, – не пугайтесь! В этом нет ничего страшного. Кончают же самоубийством отдельные человеки! Я не вижу ничего необычайного в возможности факта самоубийства всего человечества» (1923, с. 179). Образ Москвы «перенасыщен» этими ассоциативными рядами.

Москва – город, который естественно, постепенно вырос из своей почвы. Он находился в центре государственного универсума. Но из-за волевого акта «реформаторов» становится эксцентрическим по отношению к нему. Прага является еще одним культурно-философским «окном в Европу» и обратным «окном из Европы». Одновременно она превратилась в разновидность театральной сцены по разыгрыванию драмы идей. Это культурное пространство было освоено русской эмиграцией. Цветаева провела в Берлине всего два с половиной месяца 1922 г. Затем отправилась в Прагу.

Концентрация писателей и поэтов в Праге была необычайно велика. В первые десятилетия XX в. город становится центром неомифологической культуры, является источником искусства и духа экспрессионизма. Потрясения жизни воплощаются в «ландшафте потрясенной души». С Прагой связан эсхатологический мотив

¹⁰ Комплекс представлений идеальной жертвенной дружбы выполнял в европейской культуре роль некой неизменной константы. Эта архетипическая тема сохраняла значимость во всех общественных укладах и во все эпохи (см.: [22, р. 17–32]).

¹¹ Например, смерть В. В. Гофмана; его дед со стороны матери был чехом.

«невечного города». Он играет медиативно-мифологическую роль. В качестве *locus mortis* занимает свое место в танатопэтике. Со времен Карла IV Прага имела мистический ореол¹². Габсбурги, согласно составленному при Максимилиане I генеалогическому древу, ведут свой род от троянцев – *Simia Teucria*. Народ, населявший Трою, назывался тевкры. И каждый из царствовавших Габсбургов мнил себя последним троянцем, в конце царствования которого наступит конец света. Следовательно, на нем лежит обязанность собрать всех христиан воедино перед Страшным Судом. Алхимик, ученый и мистик, интроверт Рудольф интуитивно стремился в этот город. Он перенес сюда столицу. Рудольфу был свойствен отблеск фаустианского духа. Он погружался в бездны тайнознания, подвергая угрозе спасение собственной христианской души. Его образ множится в зеркалах, и ни один историк не оказался с ним лицом к лицу. Известный датский астроном XVI в. Тихо Браге провел последние два года жизни в Праге при дворе Рудольфа II. При наличии таких «культурных слоев» в судьбе города «гений места» должен был насытить чувственную память родовыми признаками реального «топоса» – ощущениями пространства, пропорций, форм, света, цвета¹³.

Реско в книге «Германские новеллисты» (*Die germanischen Novellenschreiber*) доказывает, что чародейство с вином в сцене «Погреб Ауэрбаха» совершил не Мефистофель, а Фауст, и не в Лейпциге, а в Праге [23, с. 449]¹⁴.

Встреча Фауста и Мефистофеля происходит в погребке Пфайфера. «Хозяин Пфайфер» не узнал «странного посетителя», хотя это была «фигура новая», «впечатление производящая странное». Пфайфера «до крайности» удивила лишь «скромность требования» невыгодного гостя: тот попросил в винном погребеке «воды, простой воды» (1923, с. 175)¹⁵.

В истории культуры известны два Пфайфера. Франц Пфайфер (1815–1868) – швейцарский теолог, филолог-медиевист, историк языка – работал в Германии. Он автор книг «Немецкие мистики XIV века», «Немецкие классики Средневековья», изданных в Лейпциге¹⁶. Другой Франц Пфайфер изучал немецкую этнологию. Его имя сохранилось благодаря тому, что он высокомерно отозвался о В. Маннхардте, одном из самых почитаемых и влиятельных служителей науки, авторе «Германских мифов» и «Мифологических исследований»¹⁷. Маннхардт описал переход души в растение, образы лесных духов¹⁸. Пфайфер назвал автора

¹² В системе ценностей Габсбургов золотое руно понималось как магический талисман благоденствия. Орден Золотого Руна был символом могущества Габсбургского дома. В XVI в. император Священной Римской империи стал его Верховным магистром. Позднее мистик Рудольф II занимался поисками этого мифологического предмета. В 1585 г. в Праге даже состоялся праздник, посвященный обретению им фрагмента золотого руна.

¹³ Название города могло вызвать в воспоминании Миндлина «Прагу», ресторан. Например, эпизод, как Н. Г. Шебуев помог молодому журналисту Василию Регинину, после обеда в ресторане «Прага», описать похороны Чехова в Москве (с. 244–245).

¹⁴ Инициалы Реско и год издания книги неизвестны.

¹⁵ По всей вероятности, здесь есть указание на немецкие нравы. В Германии районные партийные комитеты имели свои пивные. По вечерам, в назначенное время, туда сходились члены организации. Они слушали оратора, обсуждали текущие партийные дела, делали взносы в партийную кассу. Рабочая молодежь Дрездена требовала запретить алкоголь в партийных клубах, отстаивая моральное совершенствование человека.

¹⁶ Приведем названия на языке оригинала. *Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts* / Hrsg. von F. Pfeiffer. Bd. II: Meister Eckhart. Leipzig, 1857. *Deutsche Classiker des Mittelalters: Mit Wort- und Sacherklärungen*, Leipzig: F. A. Brockhaus, 1873. Bd. 7.

¹⁷ Mannhardt W. *Mythologische Forschungen*. Strassburg (1884).

¹⁸ Mannhardt W. *Wald- und Feldkulte Teil I: Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme* (1875); *Wald- und Feldkulte. Teil II: Antike Wald- und Feldkulte aus Nordeuropäischer Überlieferung* (1877).

«Wald- und Feldkulte» «обычным собирателем материала». Большинство исследователей также не сочли нужным вникнуть в этот труд [24, с. 413]. Показательно, что Фрезер в «Золотой ветви» ни разу не ссылается на труды Пфайфера, но упоминает Маннхардта [25, с. 131, 443]. Маннхардт сравнивает земные и божественные принципы, сближает, соединяет естественные и сверхъестественные начала.

Аналитический, не поддерживающий иллюзий способ восприятия действительности был присущ человеку всегда. Еще в XI в. духовные власти требовали от чехов, чтобы они не приносили жертвы деревьям и не обращались к ним за помощью. По словам Козьмы Пражского, невежественный народ его времени питал к деревьям и рощам религиозное уважение, молился и приносил жертвы лесным нимфам. Из песни в Краледворской рукописи узнаем, что Честмир перед выступлением в поход против неприятеля приносил жертвы под деревьями. Князь Бретислав решил порубить, предать огню все дубравы, почитаемые священными [26, с. 210]. В «Фаусте» Гёте (сцена «Вальпургиева ночь») в образе проктофантаста является писатель Христоф Фридрих Николаи. Он возмущен тем, что в Тегеле, местечке в окрестностях Берлина, водятся домовые. Распространились слухи, что они посещают дом Шульца, жителя Тегеля. Из Берлина, превосходящего свою образованностью, были отправлены одна за другою две комиссии. В их состав входили серьезные и значительные люди. Они должны были освидетельствовать на месте это происшествие.

В 1923 г. в Праге был опубликован реферат однофамильца писателя – П. Николаи «Может ли современный, образованный, мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа»¹⁹. «Невольно нарождается вопрос: как это могло быть?». Николаи ссылается на немецкого теолога А. фон Гарнака: «чудесь неть, но чудесного очень много». И говорит о «проявлении силы “наивысшего порядка”, делающего невозможное – возможным» [27, с. 4, 10]. Миндлин вполне мог слышать о Николаи, читавшем лекции в разных городах.

Сам Мефистофель в романе трезво, несентиментально разрушает жизненно-практические, религиозные и литературно-философские иллюзии. «Поэзия – это кокаин! Временно он заставляет людей видеть вещи в ином, лучшем свете, нежели это есть на самом деле. Но тем горше момент, когда действие кокаина проходит» (1923, с. 179). Здесь отразился опыт самого Миндлина. Дебаты о вкусах нового читателя были в центре литературной полемики начала 20-х гг. Диспуты играли такую важную роль в жизни Москвы, что в журнале «Всемирная иллюстрация» Миндлин давал обзоры под постоянным заголовком «По волнам дискуссий» (с. 222).

Таким образом, роман представляет собой континуум пересечений. Ему присуще палеонтологическое построение; писатель связывает лица и действия из разных пространств. Наряду с изучением снизу вверх, в культуре принят обратный путь: реконструкция ранних «мифологических» основ путем анализа поздних событий. Подобная зависимость не может быть доказана, она может быть только показана на широком культурном материале.

Список литературы

1. Миндлин Э. М. Необыкновенные собеседники: Литературные воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1979. 559 с.

¹⁹ Видимо, автор принадлежал к Всемирному Христианскому Студенческому Союзу, который объединял в то время 150 тысяч студентов и профессоров в 40 странах.

2. *Nikolai W. Goethes «Faust» und die platonische Eroskonzertion // Antike und Abendland.* Berlin; New York: Published / Hosted by W. de Gruyter, 2008. Bd. 54. S. 43–63.
3. *Платон. Политик // Платон. Собр. соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Топштейн; общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus, А. А. Тахо-Годи; примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 3–70. (Серия: Философское наследие).*
4. *Миндлин Э. Л. Не дом, но мир. Повесть об Александре Коллонтай. 2-е изд., испр. М.: Политиздат, 1978. 399 с. (Серия: Пламенные революционеры).*
5. *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. / Подгот. текста Л. М. Яновской; коммент. Г. А. Лескиса. М.: Худ. лит, 1990. Т. 5. С. 7–384.*
6. *Миндлин Э. Л. Возвращение доктора Фауста // Возрождение. Литературно-художественный и научно-популярный, иллюстрированный альманах / Под ред. П. Д. Ярославцева. М.: Время, 1923. Т. 2. С. 173–188.*
7. *Миндлин Э. Л. Говорят дети. М.: Журнальное газетное объединение, 1937. 48 с.*
8. *Конрад Д. Зеркало морей // Конрад Д. Зеркало морей. Воспоминания и впечатления. Мурманск: Мурманск. кн. изд-во, 1980. С. 110–263.*
9. *Ernst U. Wolframs Blutstropfenszene. Versuch einer magiologischen Deutung // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Berlin; New York: Published by W. de Gruyter, 2006. Bd. 128. Ht. 3. S. 431–466.*
10. *Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. 47 с.*
11. *Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Книги 1, 2, 3 // Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 9 т. / Ред. И. М. Чеховская. М.: Худож. лит., 1966. Т. 8. 614 с.*
12. *Лучицкий А. С. Я очень люблю жизнь. Страницы воспоминаний. М.: Сов. художник, 1988. 255 с.*
13. *Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Предисл. и развернут. указатель имен О. А. Коростелева. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. Т. 1: Россия в Германии. 560 с.*
14. *Гуль Р. «Новая русская книга» // Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В. В. Сорокиной. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134–154.*
15. *Проскурина Е. Н. Персонажи повести «Котлован» в контексте фаустовской традиции // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 1. С. 53–62.*
16. *Müller G. Vom Regieren zum Gestalten. Goethe und die Universität Jena. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. 802 S.*
17. *Швиттау Г. Г. Трудовая помощь въ Россіи. Пг.: Тип. Ю. Н. Эрлихъ, 1915. Ч. 1. 219 с.*
18. *Проф. Г. Г. Швиттау. Революция и народное хозяйство в России (1917–1921). Лейпциг: Центр. Тов-во Кооперативного изд., 1922. 378 с.*
19. *Швиттау Г. Г. Промышленные конфликты. Экономическое исследование въ области современной политики труда на Западе. С.-Петербургъ: Тип. Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ, Мал. Дворянская, 19), 1911. 486 с.*
20. *Проф. Г. Г. Швиттау. Соціально-экономическіе очерки. Одесса: Книгоиздательство А. А. Ивасенко, Дерибасовская, 20, 1918. 184 с.*
21. *Цветаева М. И. Поэма конца // Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и ком. А. А. Саакянц, Л. А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения. С. 31–51.*
22. *Classen A. Das Motiv des aufopfernden Freundes von der Antike über das Mittelalter bis zur Neuzeit // Fabula. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. Vol. 47, № 1/2. P. 17–32.*

23. Опыт перевода в стихах Фауста трагедии Вольфганга Гёте. Михаила Семперверо. Иллюстрированное издание с надстрочным переводом текста и образцами других переводов «Фауста». М.: В типографии Каткова и К., 1859. 450 с.

24. *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе / Пер. с ит.; ред. М. Кириллова. М.: Иностранная литература, 1960. 690 с.

25. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: АСТ, 1998. 784 с. (Серия: Классическая философская мысль).

26. Опыт объяснения обычаев (индо-европейских народов) созданных под влиянием мифа. И. Мандельштама. Часть 1-я. СПб.: Типо-Литография А. Е. Ландау, Пощ. Большаго Театра, д. № 2, 1882. 336 с.

27. *Николаи П.* «Может ли современный, образованный, мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа». Лекция, прочитанная студентам в С.-Петербурге, Москве, Юрьеве, Риге, Киеве и Харькове. Прага: The YMCA PRESS Ltd. Американское издательство, 1923. 54 с.

G. M. Vasilyeva

Novosibirsk, Russia

**«THE RETURN OF DOCTOR FAUST» BY E. L. MINDLIN:
THE METHOD OF «ARCHAEOLOGICAL» CONTAMINATION
ARTICLE 1**

It is a question of an unfinished novel by E. L. Mindlin. The writer breaks the usual genre model. Eight short chapters create a minor form. The name «novel» is an axiological definition. The author brings the reader into a clear axiological system. The writer created his destiny as a journey to the world of hidden entities. The main purpose of such movement for Mindlin turned out to be the idea of ideas: the lost old age of a rejuvenated Faust, «a bowl drained empty». The novel by Mindlin is characterized by paleontological structure: reconstruction of early «mythological» principles by analyzing late events. The similar relation can be shown using extensive cultural materials. For example, Acts of the Martyrs with its martyred topic, G. G. Shwittau's cross-cultural discourse connected with the Goethe's conception of «World literature»; the image of Goethe's contemporary writer X. W. Nikolai. Three cities – Moscow, Prague, Berlin – turned into some kind of theatrical scene presenting the drama of ideas (eschatological motif of «a volatile city» etc).

Keywords: continuum of intersections, organic, unusual, geometry, deception, rebellion against life.

Vasilyeva Galina M. – candidate of philology sciences, associated professor of Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Lomonosov Str., Novosibirsk, 630005, Russian Federation; vasilyeva_g.m@mail.ru; +7 (383) 224 35 47)